Сицилиец

Автор:
Марио Пьюзо

Сицилиец

Марио Пьюзо

Крестный отец #2

Роман знаменитого американского писателя Марио Пьюзо «Сицилиец» принято считать продолжением «Крестного отца» – ведь в нем рассказывается о судьбе Майкла, младшего сына дона Корлеоне.

Действие происходит на Сицилии, в последние годы правления Муссолини. Главный герой Сальваторе Гильяно борется за независимость Сицилии и сицилийского народа. Майкл должен помочь ему выехать в Америку, но из-за предательства друга все идет не так, как было запланировано…

Эта книга о дружбе и вражде, любви и ненависти, сицилийском законе омерты и бесконечной вендетте. Роман позволяет читателю без риска для жизни заглянуть в святая святых мафии.

«Персонажи очаровывают еще более, чем те, что сделали культовым роман “Крестный отец”».

New York Daily News

«По-прежнему блестящее повествование в желчной, темной манере Пьюзо: клятвопреступления, бесстрастные вендетты и коррупция на всех уровнях – от городского парикмахера до кардинала Палермо…»

Kirkus Review

Марио Пьюзо

Сицилиец

Mario Puzo

THE SICILIAN

© Т. Кудрявцева, Н. Изосимова, перевод на русский язык, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Книга I

Майкл Корлеоне

Посвящается Кэрол

Глава 01

Майкл Корлеоне стоял на длинном деревянном причале в Палермо и наблюдал, как большой океанский лайнер отправлялся в Америку. Ему предстояло отплыть на этом корабле, однако от отца поступили новые инструкции.

Он помахал на прощание людям в маленькой рыбацкой лодке, которые привезли его на этот причал, – людям, охранявшим его все эти годы. Рыбацкая лодка плыла по белесому следу за кормой океанского лайнера, словно храбрая маленькая уточка за матерью. Люди на ее борту помахали в ответ – он их больше никогда не увидит.

По причалу сновали рабочие в кепках и мешковатых штанах, они разгружали корабли, загружали грузовики, стоявшие на длинном причале. Эти жилистые, небольшого роста люди в приплюснутых, прикрывавших лица кепках походили скорее на арабов, чем на итальянцев. Среди них были и его новые телохранители, которые обеспечат его безопасность до того, как он встретится с доном Кроче Мало, Capo di Capi, главою мафии. Здесь, на Сицилии, их именуют «Друзьями друзей». Для газет всего мира они – мафия, но на Сицилии слово «мафия» никогда не слетает с уст рядовых граждан. Так же, как никогда не скажут про дона Кроче Мало «Capo di Capi», а только – «Добрая душа».

Во время своей двухлетней ссылки на Сицилии Майкл слышал много рассказов о доне Кроче, иной раз настолько фантастических, что в существование такого человека верилось с трудом. Однако полученные от отца инструкции были недвусмысленны: ему приказано отобедать с доном Кроче сегодня. Они должны договориться о побеге с Сицилии известного разбойника Сальваторе Гильяно.

Майкл Корлеоне не мог уехать с Сицилии без него.

Не далее чем в пятидесяти метрах от причала на узкой улочке стоял большой черный автомобиль. Перед ним маячили трое – они казались темными прямоугольниками на фоне ослепительного полотна солнечного света. Майкл направился к ним. На минуту остановился, чтобы закурить сигарету и взглянуть на город.

Палермо раскинулся на дне чаши, образованной когда-то действовавшим вулканом, с трех сторон его окружали горы, а с четвертой он вырывался к ослепительной голубизне Средиземного моря. Город мерцал в золотых лучах

сицилийского полуденного солнца. По земле словно змеился красный свет – казалось, это следы крови, пролитой на сицилийской земле за многие столетия. Золотые лучи солнца ласкали величественные мраморные колонны греческих храмов, стройные мусульманские минареты, причудливую вязь на фасадах испанских соборов; на склоне далекого холма виднелась мрачная зубчатая стена древнего норманнского замка. Наследие самых разных и жестоких военных правителей на Сицилии можно обнаружить еще и с более ранних, предшествовавших Рождеству Христову времен.

Там, дальше, за стенами замка, остроконечные горы держали чуть изнеженный Палермо в смертельном объятии, словно они вместе молитвенно преклоняли колени, натянув веревку, туго обмотанную вокруг шеи города. В вышине бесчисленные красноватые ястребки носились по хрустально-голубому небу.

Майкл направился к трем мужчинам, ждавшим его в конце причала. На черных прямоугольниках стали выделяться лица и фигуры. С каждым шагом он различал их все четче, а они как бы расступались, расходились, словно хотели при встрече окружить его со всех сторон.

Все трое знали историю Майкла. Знали, что он младший сын великого американского дона Корлеоне, Крестного отца, чья власть простиралась даже на Сицилию. Знали, что Майкл убил полицейского в Нью-Йорке, расправляясь с противником империи Корлеоне. Знали, что из-за убийства ему пришлось бежать и скрываться на Сицилии и что теперь наконец, когда вопрос «улажен», он намеревается вернуться домой и занять место принца-наследника в семействе Корлеоне. Они смотрели на Майкла, на то, как он быстро и легко движется, как все осторожно оглядывает, какой у него изможденный вид человека, знавшего и страдания, и опасность. Он, безусловно, был достоин уважения.

Когда Майкл сошел с причала, первым его приветствовал священник в сутане, обтягивавшей пухлые телеса, и в фетровой грязной шляпе. Белый воротничок священника припорошен был рыжей сицилийской пылью, но лицо над ним выглядело по-мирски упитанным.

Отец Беньямино Мало, брат великого дона Кроче, держался застенчиво и благочестиво, он был предан своему прославленному родственнику, ни разу не смутившись, что носит дьявола у самого сердца. Недоброжелатели намекали, что он передает дону Кроче даже тайны исповедей.

Пожимая руку Майкла, отец Беньямино нервно улыбался и, кажется, был приятно удивлен, вздохнув с облегчением при виде дружелюбной улыбки Майкла, совсем не походившей на улыбку убийцы.

Второй поздоровался не столь сердечно, хотя и достаточно вежливо. Это был инспектор Фредерико Веларди, глава тайной полиции всей Сицилии.
У единственного из троих на его лице не сияла приветственная улыбка. Он казался худым и слишком хорошо одетым для человека на государственном жалованье. Холодные голубые глаза выдавали его родство с норманнскими завоевателями. Инспектор Веларди не испытывал никакой любви к американцу, убившему высокопоставленного полицейского. От такого и на Сицилии можно ожидать чего-нибудь в том же духе. Веларди пожал Майклу руку, словно скрестил шпаги.

Третий был выше ростом и крупнее – рядом с двумя другими он казался огромным. Цепко обхватив руку Майкла, он притянул его к себе и заключил в объятия.

– Брат Майкл, – сказал он, – добро пожаловать в Палермо. – И посмотрел на Майкла дружелюбным, но настороженным взглядом. – Я – Стефан Андолини, мы с твоим отцом вместе росли в Корлеоне. Я ведь тебя в Америке ребенком видел. Помнишь меня?

Как ни странно, но Майкл помнил. Ибо Стефан Андолини – редчайший случай для сицилийца – рыжий. Это было его проклятьем, поскольку сицилийцы считают рыжим Иуду. Да и лицо его невозможно было забыть. Рот – огромный, неправильной формы, с толстыми губами, похожими на куски мяса с кровью, над ним – волосатые ноздри и глубоко сидящие глаза. Хоть он и улыбался, его лицо наводило на мысль об убийстве.

При взгляде на священника Майкл сразу понял, что к чему. Но присутствие инспектора Веларди его удивило. Андолини, выполняя родственные обязанности, старательно объяснил Майклу официальный статус инспектора. Майкл насторожился. Что он здесь делает? Веларди считался одним из самых беспощадных охотников за Сальваторе Гильяно. Инспектор и Стефан Андолини явно не любили друг друга; они вели себя с подчеркнутой вежливостью – словно люди, готовящиеся к смертельной дуэли.

Шофер открыл дверцу машины. Отец Беньямино и Стефан Андолини, слегка похлопав Майкла по плечу, заставили его сесть сзади. Отец Беньямино с христианским смирением настаивал, чтобы Майкл сел у окна, а он – в середине, так как Майкл тогда сможет увидеть красоты Палермо. Третьим на заднее сиденье сел Андолини. Инспектор уже успел вскочить в машину рядом с шофером. Майкл заметил, что он держит ручку двери, чтобы можно было моментально ее открыть. В голове Майкла мелькнула мысль: вероятно, отец Беньямино забрался в середину, чтобы не стать мишенью.

Машина, словно большой черный дракон, медленно пробиралась по улицам Палермо. Вдоль проспекта стояли элегантные дома в мавританском стиле, массивные общественные здания с греческими колоннами, испанские соборы. Частные дома, выкрашенные голубой, белой, желтой краской, на фасадах – балконы, свешивавшиеся с них цветы образовывали над головой как бы еще одну дорогу. Это было бы прелестное зрелище, если б не отряды карабинеров – итальянской государственной полиции, – которые стояли на каждом углу с винтовками на изготовку. Карабинеры находились и наверху, на балконах.

Их машина явно выделялась среди повозок, особенно сельских, запряженных мулами, в основном везших свежие продукты из деревень. Повозки эти – каждая деталь их, вплоть до спиц и оглобель, – были выкрашены в веселые, яркие цвета. На боковых стенках многих из них – изображения рыцарей в шлемах и королей в коронах: сцены из легенд о Карле Великом и Роланде, этих древних героях сицилийского фольклора. Но на некоторых повозках под изображением красивого юноши в молескиновых штанах и белой безрукавке, с пистолетами за поясом и винтовкой через плечо Майкл видел надпись в две строчки, которая всегда оканчивалась большими красными буквами – ГИЛЬЯНО.

Во время своей ссылки на Сицилии Майкл немало слышал о Сальваторе Гильяно. Его имя все время мелькало в газетах. Люди повсюду говорили о нем. Жена Майкла Аполлония однажды призналась, что каждую ночь молится за Гильяно, за него молились почти все дети и молодежь Сицилии. Они обожали его – ведь он был одним из них, такими все они мечтали стать. Хотя ему не было и тридцати, он считался великим военачальником, так как сумел одолеть посланные против него отряды карабинеров. Гильяно был красив и добр, ибо раздавал большую часть своих преступных доходов бедным. Он был благороден и никогда не разрешал участникам своего отряда приставать к женщинам или священникам. Если казнили доносчика или предателя, он всегда давал жертве помолиться и очистить свою душу, чтобы прийти к согласию с правителями мира

иного. Все это Майкл уже знал.

Они свернули с проспекта, и взгляд Майкла привлекла огромная надпись, сделанная черными буквами на одном из домов. Он успел заметить в верхней строчке слово «Гильяно». Отец Беньямино наклонился к окну и сказал:

– Это одна из прокламаций Гильяно. Несмотря ни на что, ночью он по-прежнему правит в Палермо.

– А о чем она? – спросил Майкл.

– Он разрешает жителям Палермо вновь ездить на трамваях, – ответил отец Беньямино.

– Он разрешает? – улыбнулся Майкл. – Разбойник разрешает?

Стефан Андолини в противоположной стороне салона рассмеялся.

– Дело в том, что на трамваях ездят карабинеры, и Гильяно их взрывает. Поначалу он предупредил жителей, чтобы они не пользовались трамваями. А теперь обещает больше не взрывать.

Майкл спросил сухо:

– А почему Гильяно взрывает трамваи, в которых ездят полицейские?

Инспектор Веларди повернул голову:

– Потому что Рим по глупости арестовал его отца и мать за сотрудничество с известным преступником, их собственным сыном. Республика не отменила фашистских законов.

– Мой брат дон Кроче договорился об их освобождении, – не без гордости сказал отец Беньямино. – О, брат очень сердился на Рим.

Боже, подумал Майкл, дон Кроче сердился на Рим? Какого черта значил этот дон Кроче, если не считать, что он pezzonovante, главарь мафии.

Машина остановилась перед зданием розового цвета длиною в целый квартал. Каждый из его углов украшали голубые башенки. Перед входом с натянутым над ним широким навесом в зеленую полоску, на котором значилось «Гостиница «Умберто», стояли два швейцара в ослепительных униформах с золотыми пуговицами. Но это великолепие не привлекло взгляда Майкла.

Наметанным глазом он окинул улицу перед гостиницей. Заметил по крайней мере десяток охранников, прохаживающихся парами или облокотившихся на металлические перила. Люди эти и не скрывали, для чего они тут. Под расстегнутыми пиджаками виднелись револьверы. Когда Майкл вылез из машины, двое из них, с тонкими сигарами в зубах, на мгновение заслонили проход, внимательно его оглядывая, словно прикидывая, какая потребуется могила. На инспектора Веларди и других они не обратили внимания.

Когда их группа вошла в гостиницу, охранники заблокировали за ними вход. Еще четверо, оказавшиеся в вестибюле, провели их по длинному коридору. Они держались так горделиво, словно служили во дворце у императора.

Конец коридора перегораживала двойная массивная дубовая дверь. Человек, восседавший в высоком, троноподобном кресле, поднялся и отпер дверь бронзовым ключом. Он поклонился, одарив при этом отца Беньямино заговорщической улыбкой.

Перед ними открылась анфилада пышных комнат; за распахнутыми окнами простирался роскошный сад, из которого доносилось благоухание лимонных деревьев. Когда они вошли, Майкл заметил, что у двери с внутренней стороны дежурят двое. Интересно, подумал Майкл, почему так охраняют дона Кроче? Он друг Гильяно, но он и доверенное лицо министра юстиции в Риме, поэтому ему нечего опасаться карабинеров, заполнявших Палермо. Тогда кого и чего боится великий дон? Кто его враг?

Мебель гостиной когда-то предназначалась для итальянского дворца – кресла гигантских размеров, диваны, длиной и шириной похожие на корабли, массивные мраморные столы, словно украденные из музеев. Они служили хорошим фоном человеку, вышедшему им навстречу из сада.

Он раскрыл объятия Майклу Корлеоне. Стоя дон Кроче был что в ширину, что в высоту почти одинаковым. Массивную львиную голову венчали тщательно подстриженные густые, с сединой, вьющиеся, как у негра, волосы. Глаза темные, как у ящерицы, – словно две изюминки, вставленные над мясистыми щеками. Щеки эти – два больших куска красного дерева; левая – гладкая, другая – набрякшая, со складкой. Рот был удивительно аккуратный, над ним – тонкие усики. Главным в лице был крупный, горбатый, как у императоров, нос.

Однако все, что было ниже этой императорской головы, принадлежало крестьянину. Могучую талию его охватывали огромные, плохо сидящие брюки на широких светлых подтяжках. На нем была необъятная, свежевыстиранная, но неглаженая рубашка. Ни галстука, ни пиджака не было, и он ступал по мраморному полу босыми ногами.

Он совсем не походил на человека, который «клевал» с каждого делового предприятия в Палермо, вплоть до последней рыночной стойки на площади. Трудно было поверить, что он повинен в тысяче смертей. Что Западной Сицилией правит скорее он, чем римское правительство. И что он богаче, чем герцоги и бароны, владевшие огромными поместьями на Сицилии.

Порывисто обняв Майкла, он сказал:

– Я знал твоего отца, когда мы еще были детьми. Я рад, что у него такой хороший сын.

Затем поинтересовался, как добрался до него гость и не нуждается ли в чем. Майкл улыбнулся и сказал, что его устроил бы кусочек хлеба и капля вина. Дон Кроче тут же повел его в сад, потому что, как все сицилийцы, он ел по возможности на открытом воздухе.

Стол был накрыт у лимонного дерева. Он блистал изысканным стеклом и белоснежными скатертями. Слуги отодвинули широкие бамбуковые кресла. Дон Кроче оживленно и учтиво рассаживал гостей за столом; он выглядел моложе, чем был на самом деле, а ему уже шел седьмой десяток. Он посадил Майкла по правую руку от себя, а своего брата – священника – по левую. Инспектора Веларди и Стефана Андолини поместил напротив и вообще относился к ним с некоторым холодком.

Все сицилийцы – любители поесть, и одна из немногих шуток, которые люди позволяли себе относительно дона Кроче, гласила, что он сначала набьет живот, а уж потом пойдет бить врага. Вот и теперь он сидел с благостной, довольной улыбкой, держа наготове нож и вилку, пока слуги носили еду. Майкл оглядел сад. Его опоясывала высокая каменная стена, и по крайней мере с десяток охранников сидели за маленькими столиками, но не более двух за каждым, причем достаточно далеко, чтобы не докучать дону Кроче и его собеседникам. В саду стоял запах лимонных деревьев и оливкового масла.

Дон Кроче самолично угощал Майкла: положил жареного цыпленка и картофель на его тарелку, проследил за тем, как посыпали тертым сыром спагетти на другой тарелочке поменьше, наполнил его бокал мутноватым белым вином местного производства. В его действиях чувствовалась искренняя забота, заинтересованность в том, чтобы его новый друг хорошо поел и попил. Майкл проголодался, он не прикасался к еде с самого утра, так что дон то и дело угощал его. При этом он внимательно наблюдал за трапезой остальных гостей, и по его знаку слуга то и дело доливал бокал или наполнял пустую тарелку.

Наконец они покончили с едой, и, потягивая кофе, дон приготовился перейти к делу.

– Значит, ты собираешься помочь нашему другу Гильяно убежать в Америку, – сказал он Майклу.

– Таковы мои инструкции, – ответил Майкл. – Я должен обеспечить его приезд в Америку без всяких злоключений.

Дон Кроче кивнул, на крупном лице цвета красного дерева царило сонное удовлетворенное выражение обжоры. Его вибрирующий высокий голос явно не соответствовал лицу и телу.

– Мы с твоим отцом обо всем договорились, я должен был передать тебе Сальваторе Гильяно. Однако ничто в жизни не идет гладко, всегда что-то случается. Теперь мне трудно сдержать обещание. – Он поднял руку, не давая Майклу прервать себя. – И я не виноват. Своей позиции я не изменил. Но Гильяно больше никому не доверяет, даже мне. На протяжении многих лет, с самого первого дня, когда он оказался вне закона, я помогал ему выжить; мы действовали совместно. С моей помощью он стал самым известным человеком на

Сицилии, хотя ему сейчас всего лишь двадцать семь лет. Но его время прошло. Пять тысяч итальянских солдат и полицейских рыщут по горам. А он все равно отказывается положиться на меня.

– Тогда и я ничем не смогу ему помочь, – сказал Майкл. – Мне приказано ждать не более семи дней, после чего я должен отправиться в Америку.

Но и говоря это, он не мог понять, почему для отца так важен побег Гильяно. После стольких лет изгнания Майклу ужасно хотелось домой, он беспокоился о здоровье отца. Когда он бежал из Америки, отец лежал тяжело раненный в больнице. Уже после его бегства убили старшего брата Санни. Семья Корлеоне вела отчаянную борьбу за существование с Пятью семействами Нью-Йорка. Борьбу, которая перекинулась из Америки в самый центр Сицилии, где убили молодую жену Майкла. Правда, посыльные от отца приносили известия, что старый дон оправился от ран, что он помирился с Пятью семействами и устроил так, что с Майкла сняли все обвинения. Майкл знал, что отец ждет его приезда и хочет сделать его своим заместителем. Что вся семья горит нетерпением увидеть его – сестра Конни, брат Фредди, сводный брат Том Хейген и бедная мать, которая наверняка все еще оплакивает смерть Санни. Одно оставалось неясным: почему отец задерживает его возвращение? Причиной могло быть только что-то чрезвычайно важное, связанное с Гильяно.

Внезапно Майкл заметил, с каким вниманием холодные голубые глаза инспектора Веларди изучают его. На тонком аристократическом лице было написано презрение, словно Майкл проявил трусость.

– Потерпи, – сказал дон Кроче. – Наш друг Андолини служит связным между мной, Гильяно и его семьей. Обдумаем все вместе. По дороге отсюда ты посетишь отца и мать Гильяно в Монтелепре – это по пути в Трапани. – Он замолчал на мгновение и улыбнулся – улыбка даже не дошла до толстых щек. – Мне рассказали о твоих планах. Всех.

Он произнес это подчеркнуто, но, подумал Майкл, вряд ли он посвящен во все планы. Крестный отец никогда никому всего не рассказывал.

А дон Кроче ровным голосом продолжал:

– Все мы, кто любит Гильяно, согласны по двум пунктам. Он больше не может оставаться на Сицилии и должен эмигрировать в Америку. Инспектор Веларди думает так же.

– Даже для Сицилии это странно, – сказал Майкл с улыбкой. – Инспектор – глава тайной полиции и обязан схватить Гильяно.

Дон Кроче засмеялся коротким, механическим смешком:

– Кто может понять Сицилию? Но в данном случае все просто. Рим предпочитает, чтобы Гильяно преспокойно жил в Америке, а не выкрикивал обвинения со скамьи подсудимых в палермском суде. Это все политика.

Майкл стал в тупик. Ему было очень не по себе. Ситуация развивалась не по плану.

– Почему инспектор Веларди заинтересован, чтобы он скрылся? Мертвый Гильяно не представляет никакой опасности.

– Это уж мое дело, – презрительно бросил инспектор Веларди. – Но дон Кроче любит его, как родного сына.

Стефан Андолини злобно воззрился на инспектора. Отец Беньямино опустил голову и отхлебнул из бокала. Но дон Кроче строго взглянул на инспектора:

– Мы тут все друзья, мы должны рассказать Майклу правду. Гильяно держит крапленую карту. У него есть дневник, который он называет своим Завещанием. В нем содержатся доказательства, что правительство в Риме – некоторые чиновники – помогали ему, когда он разбойничал, во имя собственных целей, целей политических. Если этот документ станет известен, правительство христианских демократов падет и Италией будут управлять социалисты и коммунисты. Инспектор Веларди согласен со мной, что нужно сделать все возможное, чтобы предотвратить это. Так что он готов помочь Гильяно скрыться вместе с Завещанием при условии, что оно не будет опубликовано.

– Вы видели это Завещание? – спросил Майкл. Интересно, знал ли об этом отец. В инструкциях такой документ никогда не упоминался.

– Я знаю его содержание, – сказал дон Кроче.

– Если бы решал я, то приказал бы убить Гильяно, и плевать на Завещание, – резко сказал инспектор Веларди.

Стефан Андолини взглянул на инспектора с такой откровенной и неистовой ненавистью, что Майкл понял: этот человек столь же опасен, как и сам дон Кроче. Андолини сказал:

– Гильяно никогда не сдастся, и ты не тот человек, который уложит его в могилу. Лучше побереги себя.

Дон Кроче поднял руку, и за столом воцарилось молчание. Он медленно заговорил, обращаясь к Майклу и игнорируя остальных:

– Возможно, я не смогу сдержать обещания, данного твоему отцу, и не передам тебе Гильяно. Почему дон Корлеоне связывается с этим делом, сказать не берусь. Можно не сомневаться, у него есть на то свои причины, и причины веские. Но что я могу поделать? Сегодня после обеда отправляйся к родителям Гильяно, убеди их, что сын должен довериться мне, и напомни этим славным людям, что именно я освободил их из тюрьмы. – Он помолчал. – Может быть, тогда мы сумеем помочь их сыну.

За время ссылки и скитаний у Майкла развился животный инстинкт – ощущение надвигающейся опасности. Ему не нравился инспектор Веларди, он опасался жестокого Стефана Андолини, отец Беньямино приводил его в содрогание. Но наиболее тревожные сигналы в его мозг поступали от дона Кроче.

Все сидевшие за столом, даже собственный брат дона Кроче отец Беньямино, понижали голос, когда разговаривали с ним. Они пригибались к нему в ожидании его слов, даже переставали жевать. Слуги вертелись вокруг него, словно вокруг солнца, охранники, разбросанные по саду, не выпускали его из поля зрения, готовые по команде вскочить и разорвать любого на куски.

– Дон Кроче, я здесь, чтобы следовать вашим пожеланиям, – сказал осторожно Майкл.

Дон с удовлетворением кивнул крупной головой, барственно сложил руки на животе и сказал громким тенором:

– Мы должны быть абсолютно откровенны друг с другом. Скажи мне, как ты планируешь вывезти Гильяно? Говори со мной, как сын с отцом.

Майкл бросил взгляд на инспектора Веларди. Он никогда не будет откровенен в присутствии главы тайной полиции Сицилии. Дон Кроче тут же все понял.

– Инспектор Веларди во всем следует моим советам, – сказал он. – Можешь доверять ему так же, как и мне.

Майкл поднес к губам бокал с вином. Поверх его кромки он видел наблюдавшую за ними охрану – зрителей на спектакле. Он заметил, как исказилось лицо инспектора Веларди, которому не понравились слова дона при всей их дипломатичности; из них явствовало, что дон Кроче командовал и им, и его службой. Майкл увидел неодобрительное выражение на жестоком большегубом лице Стефана Андолини. Лишь отец Беньямино, не желая раскрываться под его взглядом, сидел, склонив голову. Майкл выпил бокал мутноватого белого вина, и слуга немедленно наполнил его вновь. Внезапно сад показался Майклу опасным местом.

Он нутром чувствовал, что сказанное доном Кроче не может быть правдой. Почему все они за этим столом должны доверять начальнику тайной полиции Сицилии? И станет ли доверять ему Гильяно? История Сицилии нашпигована предательством, мрачно подумал Майкл. Он вспомнил свою убитую жену. Так почему же дон Кроче так доверчив? И почему такие меры безопасности вокруг него? Дон Кроче – глава мафии. У него самые влиятельные связи в Риме, и, по сути, он является неофициальным представителем правительства на Сицилии. Тогда чего же боится дон Кроче? Он мог бояться только Гильяно.

Но дон внимательно наблюдал за ним. И Майкл постарался говорить как можно искреннее:

– Мой план очень прост. Я буду ждать в Трапани, пока мне привезут Сальваторе Гильяно. Вы и ваши люди. Быстроходный катер доставит нас в Африку. Соответствующие документы у нас, конечно, будут. Из Африки мы полетим в Америку, где все организовано, чтобы мы прошли пограничный контроль без

обычных формальностей. Надеюсь, что это будет просто. – Он помолчал. – Если у вас нет другой идеи.

Дон вздохнул и отпил из бокала вина. Затем уперся взглядом в Майкла. И заговорил медленно, с нажимом.

– Сицилия – это трагический остров, – сказал он. – Доверия здесь нет. Порядка нет. Зато полно насилия и предательства. Ты смотришь подозрительно, мой юный друг, и абсолютно прав. То же делает и наш Гильяно. Разреши сказать тебе следующее: Тури Гильяно не выжил бы без моей защиты; он и я – как два пальца на одной руке. А теперь он считает меня своим врагом. О, ты же знаешь, какую скорбь это вселяет в меня. Я только и мечтаю о том, чтобы Тури Гильяно мог вернуться к своей семье. Он – истинный христианин и смелый человек. И с таким отзывчивым сердцем, что завоевал любовь всех сицилийцев. – Дон Кроче умолк и допил бокал. – Но судьба повернулась спиной к нему. С горсткой людей в горах он противостоит армии, которую Италия послала против него. И на каждом углу его предают. Так что он никому не доверяет, даже себе.

Какое-то мгновение дон смотрел на Майкла ледяным взглядом.

– Буду до конца откровенным, – сказал он. – Если бы я так не любил Гильяно, вероятно, я дал бы совет, который не следует давать. Вероятно, мне следовало бы сказать со всей прямотой: поезжай в Америку без него. Мы подходим к концу трагедии, которая тебя никоим образом не касается. – Дон помолчал и вновь вздохнул. – Но, конечно, ты – наша единственная надежда, и я должен просить тебя остаться и помочь нашему делу. Я буду всячески содействовать Гильяно и никогда не брошу его. – Дон Кроче поднял бокал. – Да живет он тысячу лет.

Все они выпили, и Майклу пришлось задуматься: хочет ли дон, чтобы он остался или чтобы бросил Гильяно?

Заговорил Стефан Андолини:

– Помните, мы обещали родителям Гильяно, что Майкл навестит их в Монтелепре.

– Обязательно, – тихо произнес дон Кроче. – Мы должны хоть как-то обнадежить его родителей.

Отец Беньямино сказал с нажимом, никак не вязавшимся с его смирением:

– Может быть, они что-нибудь знают о Завещании.

Дон Кроче вздохнул.

– Да, Завещание Гильяно. Он думает, оно спасет ему жизнь или по крайней мере отомстит за его смерть. – И произнес, обращаясь непосредственно к Майклу: – Запомни это. Рим боится Завещания, а я – нет.

* * *

Путь от Палермо до Монтелепре занял на машине не более часа. Но за этот час Майкл и Андолини из городской цивилизации попали в примитивные условия сицилийской провинции. Крошечный «Фиат» вел Стефан Андолини, и на послеполуденном солнце его гладко выбритые щеки и подбородок светились бесчисленными красноватыми корешочками волос. Он вел машину осторожно и не спеша, как человек, научившийся управлять автомобилем уже в немолодом возрасте. Перебираясь через высокие перевалы, «Фиат» пыхтел, словно ему не хватало дыхания.

На дороге их останавливали засады национальной полиции – отряды по крайней мере из двенадцати человек с броневиками, ощетинившимися пулеметами. Документы, имевшиеся у Андолини, действовали безотказно.

Майклу казалось странным, что на таком малом расстоянии от большого города местность выглядела столь дикой и первозданной. Они проезжали мимо маленьких деревенек, где дома, сложенные из камня, опасно балансировали на крутых склонах. Склоны эти были тщательно возделаны и превращены в узкие поля на террасах, где аккуратными рядами росли зеленые остроконечные растения. Небольшие холмы были усыпаны бесчисленными огромными белыми валунами, наполовину погребенными среди мха и бамбука; издали они казались огромными кладбищами без надгробных скульптур.

Вдоль дороги на некотором расстоянии друг от друга встречались часовенки – деревянные ящики, запертые на висячий замок, а внутри – статуи Девы Марии

или какого-то святого. У одной из таких часовенок Майкл увидел женщину на коленях – она молилась, а муж сидел в тележке, запряженной ослом, и тянул из бутылки вино.

Стефан Андолини дотронулся рукой до плеча Майкла и сказал:

– Мне приятно видеть тебя, мой дорогой брат. Ты знаешь, что семья Гильяно доводится нам родственниками?

Майкл был уверен, что это ложь, – что-то в лисьей ухмылке рыжего говорило об этом.

– Нет, – ответил он. – Я знаю лишь, что родители Гильяно работали у моего отца в Америке.

– Как и я, – сказал Андолини. – Мы помогали строить твоему отцу дом на Лонг-Айленде. Старик Гильяно был замечательным каменщиком, и, хотя твой отец предлагал ему участвовать в деле, связанном с оливковым маслом, тот остался при своей профессии. Он работал, как негр, восемнадцать лет и копил, как еврей. Затем он вернулся на Сицилию, чтобы жить, как англичанин. Однако война и Муссолини превратили его лиры в ничто, и теперь у него лишь дом и маленький кусок земли. Он проклинает тот день, когда уехал из Америки. Они думали, что их мальчик вырастет и станет принцем, а он стал разбойником.

«Фиат» поднимал тучу пыли; заросли диких груш и бамбука вдоль дороги казались призраками, гроздья груш походили на опущенные руки. В долинах виднелись оливковые рощи и виноградники. Внезапно Андолини спросил:

– Ты действительно думаешь, что поможешь ему бежать?

– Не знаю, – сказал Майкл. – После обеда с инспектором и доном Кроче я не знаю, что есть что. Хотят ли они, чтобы я помог? Отец говорил, что все сделает дон Кроче. Он ни разу не упоминал об инспекторе.

Андолини откинул назад редеющие волосы. Бессознательно нажал на педаль газа, и «Фиат» рванулся вперед.

– Гильяно и дон Кроче теперь враги, – сказал он. – Но мы разработали план без участия дона Кроче. Тури и его родители рассчитывают на тебя. Они знают, что твой отец никогда не обманывал друга.

– А на чьей ты стороне? – спросил Майкл.

Андолини вздохнул.

– Я сражался за Гильяно, – сказал он. – Мы были товарищами на протяжении последних пяти лет, а до того он спас мне жизнь. Но я живу на Сицилии и не могу игнорировать дона Кроче. Я хожу по натянутому канату между ними, но я никогда не предам Гильяно.

Что за чертовщину он несет, подумал Майкл. Почему здесь ни от кого нельзя получить прямого ответа? Потому что это Сицилия, рассудил он. Сицилийцы ужасно боятся правды. На протяжении тысячелетий тираны и инквизиторы пытали их, чтобы добиться правды. Правительство в Риме со своим юридическим аппаратом требовало правды. Священник в исповедальне выжимал правду под угрозой вечного проклятия. Правда была источником власти, рычагом управления – так почему человек должен выбалтывать ее?

Мне следует самому найти какой-то выход, думал Майкл, или отказаться от этой миссии и поспешить домой. Здесь он находился на опасной территории. Между Гильяно и доном Кроче явно существовала своего рода вендетта, а попасть в вихрь сицилийской вендетты было самоубийственно. Ибо сицилиец считает, что месть – единственная истинная форма правосудия и что она всегда должна быть безжалостна. На этом католическом острове, где статуэтки плачущего Христа в каждом доме, христианское всепрощение – презренное прибежище труса.

– Почему Гильяно и дон Кроче стали врагами? – спросил Майкл.

– Из-за трагедии в Портелла-делла-Джинестра, – ответил Андолини. – Два года назад. После этого все изменилось. Гильяно обвинил дона Кроче.

Внезапно машина стала будто падать почти вертикально: дорога с гор спускалась в долину. Они миновали руины норманнского замка, построенного девятьсот лет назад, чтобы терроризировать провинцию: теперь по нему

ползали безобидные ящерицы да бродили заблудившиеся козы. Внизу Майкл увидел Монтелепре.

Городок лежал глубоко среди обступающих его гор, словно бадья на дне колодца. Он образовывал ровный круг: ни один из домов не выступал за его край, в лучах позднего послеобеденного солнца их стены полыхали темно-красным огнем. И вот «Фиат» уже пробирается по узкой, извивающейся улочке, и Андолини останавливает его перед заграждением на дороге, охраняемым взводом карабинеров. Один из них мотнул винтовкой, чтобы они вышли из машины.

Майкл наблюдал, как Андолини показывает документы полицейским. Он увидел специальный пропуск с красной каймой, который, как он знал, мог быть выдан только министром юстиции в Риме. У самого Майкла был такой же, но показывать его, по полученной инструкции, он мог лишь в крайнем случае. Каким образом такой человек, как Андолини, мог получить столь всемогущий документ?

Они вернулись в машину и покатили дальше по узким улочкам Монтелепре, настолько узким, что, если бы появилась встречная машина, они бы не разъехались. Дома с изящными балконами были выкрашены в разные цвета. Многие – в голубой, реже – в белый и розовый. А совсем немногие – в желтый. В это время женщины находились внутри, готовя обед для мужей. Но и детей на улицах не было. Вместо этого на каждом углу дежурили парами карабинеры. Монтелепре походил на оккупированный город в осадном положении. Лишь несколько стариков с каменными лицами выглядывали с балконов.

«Фиат» остановился перед выстроившимися в ряд домами, один из которых был ярко-голубого цвета, с выкованной буквой Г на калитке. Калитку открыл невысокий жилистый мужчина лет шестидесяти в американском темном в полоску костюме, белой рубашке и черном галстуке. Это был отец Гильяно. Он быстрым движением крепко обнял Андолини. Ведя их в дом, почти с благодарностью похлопал Майкла по плечу.

Они вошли в большую гостиную, слишком шикарную для сицилийского дома в таком маленьком городке. В комнате обращала на себя внимание большая фотография в овальной деревянной раме кремового цвета, чересчур расплывчатая, чтобы на ней можно было сразу разглядеть изображение. Майкл тут же понял, что это, должно быть, Сальваторе Гильяно. Под ней на маленьком

круглом черном столике горела лампада. На другом столе в рамке виднелась более четкая фотография. Отец, мать и сын стояли на фоне красного занавеса, сын покровительственно обнял рукою мать. Сальваторе Гильяно с вызовом смотрел прямо в объектив. Лицо было удивительно красивым, как у греческой статуи, черты чуть тяжеловатые, словно выточенные из мрамора, губы – полные и чувственные, овальные глаза с полуприкрытыми веками посажены далеко друг от друга. Лицо человека, уверенного в себе, решившего заставить мир считаться с собой. Но Майкл совсем не ожидал, что это красивое лицо окажется таким мягким.

Отец Гильяно провел их в кухню. Мать Гильяно, стоявшая у плиты, оглянулась, чтобы приветствовать их. Мария Ломбардо Гильяно выглядела гораздо старше, чем на фотографии в комнате, – скорее казалась совсем другой женщиной. Вежливая улыбка была как гримаса на ее худом изможденном лице с морщинистой обветренной кожей. Длинные волосы с широкими седыми прядями лежали по плечам. Что поражало – это ее глаза, почти черные от ненависти ко всему этому миру, готовому уничтожить ее и ее сына.

Не обращая внимания на мужа и Стефана Андолини, она обратилась прямо к Майклу:

– Поможешь ты моему сыну или нет?

Майкл улыбнулся ей:

– Да, я с вами.

– Отец Беньямино просил взять его, но я сказал, что ты не хочешь, – произнес, обращаясь к ней, Андолини.

Мария Ломбардо подняла голову, и Майкл изумился той гамме чувств, которые отразились на ее лице.

– О, у отца Беньямино доброе сердце, это уж точно, – сказала она. – И с этим своим сердцем он, как чума, несет смерть всей деревне. Он передает тайны исповеди своему братцу, он предает души, якшаясь с дьяволом.

Отец Гильяно сказал со спокойной рассудительностью, словно пытаясь угомонить сумасшедшую:

– Дон Кроче наш друг. Он вызволил нас из тюрьмы.

Мать Гильяно взорвалась:

– А, дон Кроче, «Добрая душа», он всегда, конечно, такой добрый! Но я тебе скажу: дон Кроче – змея. Они с нашим сыном вместе собирались править Сицилией, но теперь Тури прячется в одиночку в горах, а «Добрая душа» разгуливает по Палермо со своими шлюхами. Дону Кроче стоит лишь свистнуть, и Рим будет лизать ему пятки. А ведь он совершил куда больше преступлений, чем Тури. Он – само зло, а наш сын – добрый.

Отец Гильяно сказал, теряя терпение:

– Как я понимаю, наш гость через несколько часов должен отправляться в путь, и ему следует поесть, перед тем как нам разговаривать.

Мать Гильяно сразу переменилась:

– Бедняжка, ты целый день добирался, чтобы встретиться с нами, а вынужден слушать побасенки дона Кроче и мою болтовню. Куда же ты направляешься?

– К утру мне нужно попасть в Трапани, – ответил Майкл. – Я побуду у друзей моего отца, пока ваш сын не приедет ко мне.

– Выпей стакан вина, – сказала мать Гильяно. – Затем пройдись по городу. Через час стол будет накрыт. А к тому времени приедут друзья Тури, и мы сможем разумно все обсудить.

Андолини стал по одну сторону Майкла, отец Гильяно – по другую, и они пошли по мощеным узким улицам Монтелепре; теперь, когда солнце скатилось с неба, камни казались черными. В неясном свете сумерек вокруг них двигались лишь фигуры карабинеров.

– Раньше это был оживленный городок, – сказал отец Гильяно. – Всегда, всегда очень бедный, как и вся Сицилия, полный горя, но живой. Сейчас же больше семисот наших жителей в тюрьме – арестованы за пособничество моему сыну. Они – невиновны, большинство, во всяком случае, но правительство арестовало их, чтобы напугать других, заставить доносить на моего Тури. В городе толкутся около двух тысяч карабинеров, и не одна тысяча ловит Тури в горах. Вот почему люди больше не обедают на воздухе, их дети больше не играют на улице. Карабинеры такие трусы, что открывают огонь, если даже заяц перебежит дорогу. С наступлением темноты действует комендантский час, и, если какая-нибудь женщина в городе идет навестить соседку, ее задерживают, оскорбляют и унижают. Мужчин они волокут на пытки в свои подземелья в Палермо.

Стефан Андолини решил закурить сигару, и им пришлось остановиться. Затягиваясь, он сказал с улыбкой:

– Да, мы, сицилийцы, любим родные места, но Сицилия нас не любит.

Отец Гильяно передернул плечами.

– Дурак я был, что вернулся, – и озадаченно покачал головой. – Ну почему мой сын всегда суется в дела чужих, даже когда те вовсе не родственники? У него всегда были всякие великие идеи, он всегда говорил о справедливости.
А настоящий сицилиец говорит о хлебе насущном.

Пока они шли по виа Белла, Майкл отметил, что город идеально построен для засад и партизанской войны. Улицы были настолько узки, что проехать мог лишь один автомобиль, а многие были годны лишь для небольших повозок и ослов, на которых сицилийцы до сих пор перевозят грузы. Буквально несколько человек могли отразить любое нападение, а затем скрыться в белых меловых горах, окружавших город.

Они спустились на центральную площадь. Андолини указал на маленькую церковь, возвышавшуюся на ней, и сказал:

– Вот здесь, в этой церкви, Тури прятался, когда полицейские первый раз пытались схватить его. С тех пор он стал чем-то вроде призрака.

Все трое уставились на церковную дверь, словно перед ними мог сейчас появиться Сальваторе Гильяно.

Солнце закатилось за горы, и они вернулись в дом как раз перед наступлением комендантского часа. Там их ждали двое незнакомцев.

Один из них – худой молодой человек с болезненно-бледной кожей и большими, черными, горячечными глазами. У него были щегольские усики и какая-то почти женственная миловидность, хотя он совсем не выглядел женоподобным. От него исходило ощущение гордой жестокости, которая появляется у человека, желающего командовать во что бы то ни стало.

Майкл был потрясен, когда выяснилось, что это – Гаспаре Пишотта. Пишотта – его чаще звали Аспану – был вторым человеком в отряде Тури Гильяно, его двоюродным братом и ближайшим другом. Если не считать Гильяно, его разыскивали больше всех, за его голову было назначено вознаграждение в пять миллионов лир.

Второй незнакомец также вызывал удивление, хотя и по иной причине. При первом взгляде на него Майкла передернуло. Человек был настолько мал, что походил на карлика, однако держался с большим достоинством, и Майкл тут же почувствовал: если он проявит свои эмоции, то смертельной обиды не миновать. На человечке был отлично сшитый серый костюм в полоску, широкий, очевидно, дорогой галстук серебристого цвета украшал его кремовую рубашку. Густые волосы карлика были почти совсем седые, хотя было ему, наверно, не больше пятидесяти. Он был элегантен. В той мере, в какой может выглядеть элегантно очень маленький человек. Лицо его с большим чувственным ртом было по-своему красиво.

Его представили как профессора Гектора Адониса.

Мария Ломбардо Гильяно накрыла стол в кухне. Они ели у окна, выходящего на балкон, откуда виднелась красная полоска неба: ночная темнота скрывала окружающие горы. Майкл ел медленно, понимая, что все они наблюдают за ним, оценивают. Еда была простая, но добротная – спагетти с чернильного цвета соусом и тушеная зайчатина под острым соусом из томата и красного перца. Наконец Гаспаре Пишотта заговорил на местном сицилийском диалекте:

– Значит, ты сын Вито Корлеоне, который, говорят, даже выше нашего дона Кроче. И именно ты спасешь нашего Тури.

В голосе его звучала холодная насмешка, она вызывала желание дать отпор, если только посмеешь. Своей улыбкой он как бы ставил под вопрос мотив любого поступка, словно говоря: «Да, правда, ты делаешь хорошее дело, но какая тебе от этого польза?»

– Я выполняю приказ отца, – сказал Майкл. – Я должен ждать Гильяно в Трапани. Затем я отвезу его в Америку.

Пишотта произнес уже более серьезно:

– А когда Тури окажется в твоих руках, ты гарантируешь его безопасность? Сможешь защитить его от Рима?

Майкл знал, что мать Гильяно внимательно за ним наблюдает. Он сказал осторожно:

– Насколько человек может гарантировать что-либо от судьбы. Да, я уверен.

– А я нет, – резко сказал Пишотта. – Сегодня днем ты доверился дону Кроче. Рассказал ему о своем плане побега.

– А почему я не должен был это делать? – парировал Майкл. Каким образом, черт подери, Пишотта так быстро узнал подробности его обеда с доном Кроче? – Согласно указаниям моего отца, дон Кроче организует доставку Гильяно ко мне. Во всяком случае, я рассказал ему лишь один из возможных планов побега.

– А какие есть другие? – спросил Пишотта. Он увидел, что Майкл заколебался. – Говори, не бойся. Если нельзя доверять людям в этой комнате, тогда надежды для Тури нет.

Коротышка Гектор Адонис заговорил впервые. У него был чрезвычайно низкий голос, голос прирожденного оратора:

– Мой дорогой Майкл, вы должны понять, что дон Кроче – враг Тури Гильяно. Сведения вашего отца устарели. Мы, естественно, не можем вручить вам Тури, не приняв мер предосторожности. Я настаиваю на том, что нам нужно знать ваши планы.

– Могу вам сказать лишь то, что я сказал дону Кроче, – ответил Майкл. – И почему я должен рассказывать кому бы то ни было обо всех своих планах? Если я спрошу, где сейчас скрывается Тури Гильяно, вы мне скажете?

По улыбке Пишотты Майкл видел, что тот в целом одобрил его ответ. Но Гектор Адонис сказал:

– Это не одно и то же. Вам совсем не нужно знать, где сейчас скрывается Тури. А мы должны знать, как вы собираетесь помочь.

– Я же ничего не знаю о вас, – тихо сказал Майкл.

– Простите меня, – сказал вполне искренне коротышка. – Я учил Тури в детстве, и его родители оказали мне честь, сделав меня его крестным отцом. Теперь я профессор истории и литературы университета в Палермо. Однако у меня есть и более надежный мандат, который могут удостоверить за этим столом все. Я являюсь и всегда был членом отряда Гильяно.

Стефан Андолини сказал тихо:

– Я тоже вхожу в его отряд. Ты знаешь мое имя и то, что я твой двоюродный брат. И меня называют Фра Дьяволо[1 - Брат Дьявола.].

Это имя тоже было легендарным на Сицилии, и Майкл слышал его неоднократно. Он тоже скрывался, за его голову была назначена большая сумма. Однако только что он обедал рядом с инспектором Веларди.

Все ждали его ответа. Майкл вовсе не собирался делиться всеми своими планами, но понял, что должен рассказать хоть что-то. Мать Гильяно внимательно смотрела на него.

– Все очень просто, – сказал Майкл. – Прежде всего я должен предупредить, что не могу ждать больше семи дней. Я не был дома слишком долго, и моя помощь нужна отцу для решения его собственных проблем. Вы, конечно, понимаете, как мне не терпится вернуться к семье. Но отец хочет, чтобы я помог вашему сыну. Согласно последним инструкциям, мне велено посетить здесь дона Кроче, затем ехать в Трапани. Там я поселюсь на вилле местного дона. Там же меня будут ждать люди из Америки, которым я могу полностью довериться. Профессионалы. – Он помолчал. Слово «профессионал» на Сицилии имело особое значение, обычно оно относилось к высокопоставленным палачам в мафии. Затем продолжал: – Как только Тури доберется до меня, он будет в безопасности. Та вилла – крепость. Через несколько часов мы сядем на быстроходное судно, которое доставит нас в один из африканских городов. Там ждет специальный самолет, чтобы тут же перебросить нас в Америку, где Тури будет под защитой моего отца, и вы сможете уже не бояться за него.

– Когда вы будете готовы принять Тури Гильяно? – спросил Гектор Адонис.

– Если я приеду в Трапани рано утром, – ответил Майкл, – то дайте мне еще двадцать четыре часа.

Неожиданно мать Гильяно расплакалась.

– Мой бедный Тури больше никому не верит. Он не поедет в Трапани.

– В таком случае я не смогу ему помочь, – холодно сказал Майкл.

Мать Гильяно в отчаянии поникла. К удивлению Майкла, именно Пишотта стал ее утешать. Он поцеловал и обнял ее.

– Мария Ломбардо, не беспокойся, – сказал он. – Тури еще меня слушает. Скажу ему, что мы все доверяем этому человеку из Америки, ведь так? – Он вопросительно взглянул на других, и те кивнули. – Я сам привезу Тури в Трапани.

Все, казалось, были удовлетворены. Майкл понял, что именно его холодный ответ убедил их довериться ему…

Они провели его в маленькую гостиную, где мать подала кофе с анисовой водкой. Мария Ломбардо указала на большой портрет на стене.

– Ну разве не красавец? – сказала она. – И такой же добрый, как красивый. Мое сердце разрывалось, когда его объявили вне закона… Ему повезет, если останется жив… Мы хотели вырастить из него настоящего сицилийца. Такой он и есть. Живет под угрозой смерти, за его голову обещана огромная сумма. – Она помолчала и произнесла убежденно: – Мой сын – святой.

Майкл заметил, что Пишотта чуть улыбнулся – так улыбаются, когда слушают слишком сентиментальные рассказы любящих родителей о достоинствах своих детей. Даже отец Гильяно нетерпеливо повел рукой. А Пишотта сказал мягко, но с холодком:

– Дорогая Мария Ломбардо, не изображай своего сына таким беспомощным. Он умеет давать сдачи, и враги по-прежнему боятся его.

Мать Гильяно сказала уже более спокойно:

– Я знаю, он много раз убивал, но никогда не совершал несправедливости.

Внезапно она взяла Майкла за руку и повела его на кухню, а оттуда на балкон.

– Никто из них не знает по-настоящему моего сына, – сказала она Майклу. – Они не знают, какой он добрый и ласковый. Может, с другими людьми ему приходится вести себя по-другому, но со мной он всегда искренен. Он слушался каждого моего слова, никогда не говорил мне грубости. Он был любящим, послушным сыном. В первые дни, оказавшись вне закона, он смотрел вниз с гор, но ничего не видел. А я смотрела вверх и тоже ничего не видела. Но мы чувствовали присутствие друг друга, любовь друг друга. И я чувствую его сегодня рядом. Я все думаю, как он там один в горах, когда тысячи солдат преследуют его, и сердце мое разрывается. И ты, наверное, единственный, кто может спасти его. Обещай, что дождешься его.

Она крепко сжала его руки, и слезы покатились по ее щекам.

Майкл всмотрелся в ночную темноту: городок Монтелепре приютился в сердцевине высоких гор, лишь точкой светилась центральная площадь. Небо было прошито звездами. Внизу на улицах время от времени раздавался лязг винтовок да хриплые голоса патрулирующих карабинеров. Казалось, городок был полон призраков. Они парили в мягком летнем ночном воздухе, наполненном запахом лимонных деревьев, легким жужжанием бесчисленных насекомых, внезапными криками ходивших по улицам полицейских патрулей.

– Буду ждать, сколько смогу, – тихо сказал Майкл. – Но я нужен отцу дома. Вы должны заставить сына приехать ко мне.

Она кивнула и отвела его назад к другим. Пишотта мерил шагами комнату. Казалось, он нервничал.

– Мы решили, что нам всем следует переждать здесь до рассвета, пока окончится комендантский час, – сказал он. – Слишком много солдат, готовых спустить курок там, в темноте, так что может произойти несчастный случай. Не возражаешь? – спросил он Майкла.

– Нет, – ответил Майкл. – Если только это не обременит наших хозяев.

Мать Гильяно сварила свежий кофе.

Майкл попросил рассказать как можно больше о Тури Гильяно. Ему хотелось понять этого человека…

Пишотта рассказывал о трагедии у Портелла-делла-Джинестра.

– Он тогда проплакал весь день, – вспоминал Пишотта. – На глазах у всего отряда.

– Не мог он убить тех людей у Джинестры, – сказала Мария Ломбардо.

Гектор Адонис успокоил ее:

– Все мы это знаем. Родился ведь он добрым. – И, повернувшись к Майклу, добавил: – Любил книги, я думал, станет поэтом или ученым. Вспыльчивый был,

но только не жестокий…

– Сейчас он уже не такой добрый, – рассмеялся Пишотта.

Гектор Адонис угрюмо взглянул на него.

– Аспану, – сказал он, – сейчас не время для твоего остроумия.

Майкл отметил про себя, что между этими двумя существует укоренившая неприязнь… По сути дела, между всеми ними царило недоверие; все, казалось, держали Стефана Андолини на расстоянии, мать Гильяно, похоже, вообще никому не доверяла. И тем не менее, чем дольше длилась ночь, тем яснее становилось, что все они любили Тури.

– Гильяно написал Завещание, – осторожно сказал Майкл. – Где оно сейчас?

Наступило долгое молчание, все они внимательно рассматривали Майкла. И неожиданно их подозрительность обратилась на него самого.

Наконец заговорил Гектор Адонис:

– Он начал писать его по моему совету, я помогал ему. Каждая страница подписана Тури. Там все тайные соглашения с доном Кроче, с римским правительством и полная правда о Портелла-делла-Джинестра. Если его опубликовать, правительство наверняка падет. Это – последняя карта Гильяно, если дело станет совсем плохо.

– Надеюсь, оно в надежном месте, – сказал Майкл.

– Да, дону Кроче очень хотелось бы наложить лапу на Завещание, – произнес Пишотта.

– В свое время мы сделаем так, что Завещание доставят тебе, – сказала мать Гильяно. – Может, ты сумеешь отправить его в Америку с девушкой.

Майкл взглянул на них с удивлением:

– С какой девушкой?

Все отвели взгляд, словно в замешательстве или в испуге. Они понимали, что это для него неприятная новость, и опасались его реакции.

– Невестой сына. Она беременна, – пояснила мать Гильяно. Хотя она и старалась сохранять спокойствие, ясно было, что реакция Майкла ее беспокоила. – Она приедет к тебе в Трапани. Тури хочет, чтобы ты отправил ее в Америку до него. Когда она пришлет весточку, что находится в безопасности, тогда Тури приедет к тебе.

– На этот счет у меня нет инструкций, – сказал Майкл, тщательно подбирая слова. – Я должен проконсультироваться с моими людьми в Трапани, смогут ли они по времени это сделать. Я знаю, что вы с мужем тоже поедете в Америку после того, как ваш сын доберется туда. А девица не может подождать и приехать с вами?

– Девица – это чтобы проверить тебя, – сказал резко Пишотта. – Она даст нам знать, и тогда Гильяно поймет, что имеет дело не только с честным, но и толковым человеком. Лишь тогда он поверит, что ты благополучно вывезешь его с Сицилии.

– Аспану, – раздраженно произнес отец Гильяно, – я уже говорил тебе и сыну. Дон Корлеоне дал слово помочь нам.

– Так велел Тури, – примирительно сказал Пишотта.

Майкл быстро прикинул в уме. И сказал:

– Думаю, это очень мудро. Мы можем проверить маршрут и увидим, надежен ли он.

Он вовсе не собирался пользоваться тем же маршрутом для Гильяно. Матери Гильяно он сказал:

– Я могу послать вместе с девушкой вас и мужа, – и посмотрел на них.

Но родители замотали головами.

– Это неплохая идея, – мягко заметил Гектор Адонис.

– Мы не уедем с Сицилии, пока наш сын здесь, – заявила мать Гильяно.

Отец сложил на груди руки и кивнул в знак согласия. И Майкл понял, о чем они думают. Если Тури Гильяно умрет на Сицилии, они не желают быть в Америке. Они должны быть тут, чтобы оплакать его, похоронить, принести цветы на могилу. Финал трагедии принадлежал им. Невеста может ехать, ее связывают лишь узы любви, а не крови.

Где-то в середине ночи Мария Ломбардо Гильяно показала Майклу альбом, заполненный вырезками из газет, объявлениями с различными суммами, назначенными римским правительством за голову Гильяно. Она показала иллюстрированный очерк, опубликованный в журнале «Лайф» в 1948 году. Там говорилось, что Гильяно – крупнейший разбойник нашего времени, итальянский Робин Гуд, который грабит богатых, чтобы помогать бедным. Там же приводилось одно из нашумевших писем, которые Гильяно посылал в газеты.

Оно гласило: «Пять лет я сражаюсь за свободу Сицилии. Я отдаю бедным то, что отнимаю у богатых. Пусть же сицилийцы выскажутся, бандит я или борец за свободу. Если народ против меня, я передам себя в ваши руки для суда. Пока же народ поддерживает меня, я буду продолжать тотальную войну».

Наконец наступил рассвет. Майкл поднялся и распростился. К его удивлению, мать Гильяно крепко обняла его.

– Ты напоминаешь мне сына, – сказала она. – Я тебе верю. – Она подошла к каменной полке и сняла с нее деревянную статуэтку Девы Марии. Статуэтка была черной. Черты лица – негроидные.

– Возьми ее в подарок. Это единственно стоящая вещь, которую я могу тебе дать.

Майкл попытался отказаться, но она настаивала.

– Таких статуэток на Сицилии осталось лишь несколько, – сказал Гектор Адонис. – Она своеобразная, но мы ведь очень недалеко от Африки.

– Неважно, как она выглядит, главное – перед ней можно молиться, – сказала мать Гильяно.

– Да уж, – поддакнул Пишотта. – От нее столько же пользы, сколько от любой другой. – В его голосе слышалось презрение.

На глазах у Майкла Пишотта стал прощаться с матерью Гильяно. И Майкл увидел, что между ними существует искренняя привязанность. Пишотта поцеловал Марию Ломбардо в обе щеки и ободряюще похлопал. На какое-то мгновение она прислонилась головой к его плечу и сказала:

– Аспану, я люблю тебя, как сына. Не дай им убить Тури. – И заплакала.

А он сказал Майклу:

– Я привезу тебе Тури в течение недели.

И быстро и беззвучно вышел за дверь. У него был собственный пропуск с красной каймой, и он мог снова исчезнуть в горах. Гектор Адонис оставался с родителями Гильяно, хотя у него в городе был свой дом.

Майкл и Стефан Андолини забрались в «Фиат» и поехали через центральную площадь на дорогу, которая вела в Кастельветрано и прибрежный город Трапани. Ехал Андолини медленно, да к тому же на дорогах их останавливали бесконечные военные патрули. Так что они прибыли в Трапани лишь после полудня.

Книга II

Тури Гильяно

Глава 02

В сентябре 1943 года Гектор Адонис преподавал историю и литературу в университете Палермо. Из-за его чрезвычайно малого роста коллеги относились к нему с меньшим уважением, чем того требовали его таланты. Сицилийскими традициями предопределено безжалостно судить о людях по их физическим недостаткам. Единственным человеком, знавшим ему цену, был ректор университета.

В тот сентябрь 1943 года жизнь Гектора Адониса вот-вот должна была измениться. Для Южной Италии война окончилась. Американская армия завоевала Сицилию и двинулась дальше, на материк. Фашизм умер. Италия возродилась, впервые за четырнадцать столетий на острове Сицилия не было настоящего хозяина. Но Гектор Адонис, понимавший все превратности истории, особых надежд не питал. На Сицилии мафия уже начала брать в свои руки бразды правления. Ее хватка была столь же смертельна, как и хватка любого корпоративного сообщества.

Из окна кабинета Адонису видна была вся территория университета, те несколько зданий, которые можно было бы назвать на американский лад кампусом. На Сицилии никакой надобности в общежитиях не существовало, не было и университетской жизни – такой, как в Англии и Америке. Здесь большинство студентов занималось дома и через определенные промежутки времени консультировалось у профессоров. Профессора читали лекции, которые студенты могли безнаказанно пропускать. Им лишь нужно было сдавать экзамены. Такую систему Гектор Адонис считал возмутительной вообще и идиотской в частности, поскольку сицилийцы, по его мнению, нуждались в большей педагогической дисциплине, чем студенты в других странах.

Из окна, похожего на окно в соборе, он видел, как съезжались – ежегодная процедура – главари мафии из всех провинций Сицилии; они прибыли, чтобы оказать воздействие на профессоров университета. При фашистском правлении эти люди вели себя более осторожно, более скромно; теперь же под благодатным правлением демократии, восстановленной американцами, они

выползли, подобно червякам из политой дождем земли, и стали вести себя по-старому. Осторожности у них уже как не бывало. Главари мафии, «Друзья друзей», руководители небольших местных кланов из многих деревень Сицилии, прибыли в выходных одеждах заступиться за студентов, родственников или сыновей богатых земледельцев, или же сыновей друзей, которые не одолели университетского курса и теперь не получат диплома, если не предпринять решительных действий. А дипломы эти имели громадное значение. Как еще избавиться семьям от сыновей, не имеющих ни стремлений, ни таланта, ни знаний? Родителям придется содержать их до конца жизни. А с дипломами – пергаментными листочками из университета – эти же самые балбесы могут стать учителями, врачами, членами парламента, в худшем случае – мелкими правительственными чиновниками.

Гектор Адонис заметил по крайней мере трех главарей местных мафий, бродивших по территории в поисках своих жертв. На них были матерчатые кепки и кожаные сапоги; тяжелые вельветовые пиджаки переброшены через руку, ибо погода стояла еще теплая. Они несли в качестве подарков корзины с фруктами и бутылки с домашним вином в бамбуковой оплетке. Не взятки, а сладкая пилюля от того страха, который охватит профессоров при их виде. Ибо большинство профессоров были сицилийцами и понимали, что в этих просьбах отказывать нельзя.

Один из главарей мафии, одетый настолько по-деревенски, что мог бы выступать в опере «Сельская честь», как раз вошел в здание и поднимался по ступенькам. Гектор Адонис приготовился со злобным удовлетворением разыграть знакомую комедию.

Адонис знал этого человека. Его звали Буччилла, он владел фермой и стадом овец в городке под названием Партинико, недалеко от Монтелепре. Они обменялись рукопожатием, и Буччилла передал ему принесенную корзину.

– У нас столько опадает и гниет фруктов, что я подумал – отнесу-ка немного профессору, – сказал Буччилла. Он был невысокого роста, но кряжистый, с могучим торсом много трудившегося человека. Адонис знал, что его считают честным, что он достаточно скромен, хотя мог бы с помощью своей силы нажить богатство. В глазах старых главарей мафии, которые боролись не за богатство, а за уважение и честь, он был недотепой.

Адонис улыбнулся, принимая фрукты. Какой сицилийский крестьянин допустит, чтобы что-нибудь пропадало?..

Буччилла вздохнул. Он был любезен, но Адонис знал, что эта любезность в долю секунды может обернуться угрозой. Так что он приветливо улыбнулся, когда Буччилла заговорил:

– Ну и каверзная же жизнь. У меня работы полно на земле, но, когда сосед попросил сделать маленькое одолжение, разве я мог отказать? Мой отец знал его отца, мой дед – его деда. Натура у меня такая, а может, и мое несчастье, что я все сделаю для друга, коль попросит. В конце концов, разве все мы не христиане?

– Мы, сицилийцы, все одинаковы, – мягко заметил Гектор Адонис. – Чересчур великодушны. Именно поэтому северяне в Риме так нахально нас и используют.

Буччилла уставился на него проницательным взглядом. Тут никаких проблем не будет. И разве он не слышал где-то, что этот профессор друг «Друзей»? Он не выглядит испуганным. А если он друг «Друзей», то почему он, Буччилла, не знал этого? Но у «Друзей» существуют разные уровни. Во всяком случае, перед ним был человек, понимавший, в каком мире живет.

– Я пришел просить вас об одолжении, – сказал Буччилла, – как один сицилиец другого. В этом году сын моего соседа провалился на экзаменах в университете. Вы провалили его. Так утверждает сосед. Но когда я услышал ваше имя, я сказал ему: «Что? Синьор Адонис? Не может быть, у этого человека добрейшее в мире сердце. Он никогда не совершил бы такого зла, если бы знал все факты. Никогда». Поэтому они просили со слезами на глазах рассказать вам все как есть. И с величайшим смирением попросить изменить ему оценку, чтобы он мог выйти в мир и зарабатывать на хлеб.

Гектора Адониса не обманула эта изысканная вежливость… Если отвергнуть просьбу Буччиллы, однажды ночью последует выстрел из лупары. Гектор Адонис вежливо попробовал оливки и ягоды из корзины.

– О, мы не можем допустить, чтобы молодой человек голодал в этом ужасном мире, – сказал он. – Как зовут этого парня?

И когда Буччилла назвал его, он вытащил из нижнего ящика стола ведомость. Полистал ее, хотя, конечно же, прекрасно знал, о ком идет речь.

Провалившийся студент был деревенщиной, неотесанным парнем, увальнем, бо?льшим животным, чем овцы в хозяйстве Буччиллы. Это был обленившийся бабник, пустопорожний хвастун, безнадежно безграмотный, не знавший разницы между «Илиадой» и сочинениями Джованни Верга. Несмотря на все это, Гектор Адонис мило улыбнулся Буччилле и тоном, полным удивления, сказал:

– Ах да, у него были какие-то трудности на одном из экзаменов. Но это легко уладить. Пусть он придет ко мне, и я подготовлю его в этих самых комнатах, а затем снова проэкзаменую. Больше он не провалится.

Они обменялись рукопожатием, и посетитель ушел. Приобрел еще одного друга, подумал Гектор. И зачем все эти молодые обалдуи получают университетские дипломы, которые они не заработали и не заслужили? В Италии 1943 года они могли использовать их лишь на подтирку, продолжая оставаться посредственностями.

Телефонный звонок прервал его мысли и вызвал раздражение иного рода. Сначала раздался короткий звонок, затем последовала пауза и три более отрывистых звонка. Телефонистка за пультом болтала с кем-то и нажимала на рычажок в перерыве между фразами. Это настолько вывело Адониса из себя, что он закричал в телефонную трубку «pronto» резче, чем следовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Брат Дьявола.

Купить: https://tellnovel.com/mario-pyuzo/siciliec-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити